

ИУДА ПРЕДАТЕЛЬ.

(Продолженіе).

Установленіе Христомъ Евхаристіи и Новаго Завѣта евангелисты описываютъ такъ. Мѣ. 26, 26—29. „И когда ѣли они (др „они ѣли“, т. е. яства пасхальнаго ужина, послѣ двухъ чашъ вина), *взявъ* (*λαβὼν*—Самъ взялъ со стола, а не принялъ отъ другихъ—*δεξιόμενος*, какъ о чашѣ у Лк, которую, размѣшавъ вино съ водою, подавали предвозлежавшему слуги, здѣсь ученики ср. прим. къ Лк. ниже) *Иисусъ* (нѣк. оп.) *хлѣбъ* (опрѣснокъ со стола, по однимъ *ἄρτον*—одну изъ прѣсныхъ лепешекъ, лежавшихъ на столѣ, на блюдѣ, — по другимъ *τὸν ἄρτον*—опрѣснокъ съ извѣстнымъ обрядовымъ значеніемъ, не простой, а пасхальный опрѣснокъ) и *благословивъ* (*εὐλογήσας* NBCD др. 33 др. мн. Лат Вг Саг Копт Эв Сир син пеш геракл на полѣ, др. *εὐχαριστήσας* А др. 1 др мн Сир геракл въ текстѣ Ор Вас Злат: первое чтеніе можетъ указывать болѣе на іудейскую формулу благословенія опрѣснковъ—ср. выше,—а второе—болѣе на христіанскую Евхаристію, причемъ дается возможность думать, что Господь сказалъ Свое благодареніе, а не іудейскую формулу: у LXX второе не употребляется,—только въ апокрифахъ) *преломилъ* (какъ того требовалъ іудейскій обрядъ пасхальный) и *давъ* (*δοὺς*—одни, др. *ἐδίδου*—сталъ давать, давалъ: въ первомъ случаѣ Господь, преломивъ одинъ опрѣснокъ, отдалъ ученикамъ, чтобы они сами, взявъ хлѣбъ, раздѣлили между собою,—во второмъ—Господь Самъ раздавалъ куски хлѣба.—первое повидимому болѣе соотвѣтствуетъ *λάβετε* — возьмите сами, а не примите—*δέξασθε*, хотя такое употребленіе глаголъ не можетъ быть строго разграничено) *ученикамъ* (др. приб.

и) сказали: *возьмите, пишите, это есть тѣло Мое* (ср. Мѳ 5, 29; 10, 28; 1 Кр 6, 19; 7, 34; 12, 12 др., а не *σάρξ*—мясо, плоть въ отличіе отъ *ὀστέα*—кости и *αἷμα*—кровь ср. Лк 24, 39 Мѳ 16, 17 Ін 6, 54 др.,—весь живой психо-физиологическій организмъ, коего нераздѣльную часть составляетъ и кровь,—какъ живое и одухотворенное богочеловѣческое тѣло, въ коемъ обиталъ нераздѣльно весь Богочеловѣкъ Христосъ, ср. „Слово плоть бысть“ Ін. 1, 14, гдѣ *σάρξ* = *σῶμα*, даже = *ἄνθρωπος*, по его психо-физиологической сторонѣ,—въ коемъ „обитала вся полнота божества тѣлесно“ Кол 2, 19,—иначе=„это Я самъ“: оборотъ этотъ отчасти мотивируется и объясняется вліяніемъ еврейскаго языка, такъ какъ въ немъ, какъ и въ араб. эѳіоп. египет. даже санскр., возвратныя мѣстоименія замѣняются описаніями посредствомъ разныхъ существительныхъ, напр. душа, тѣло, глазъ, голова, ротъ, рука, кости, внутренности, ср. Іов. 9, 21 Іер. 37, 9 Быт. 18, 12 — 7, 13 Ис. Нав. 10, 27 Іез 24, 2 др. ср. въ Новомъ Завѣтѣ: „ядущій Моею плоть, т. е. тѣло, и пьющій Моею кровь=ядущій Меня Ін 6, 56—57,—или: „не заботьтесь о души вашей, т. е. о себѣ самихъ, своей жизни, что вамъ есть или что пить“ Мѳ. 6, 25, — „положить душу свою“=себя самого отдать на смерть Ін. 15, 13.—„разнять плоть“ Гал. 5, 24). И взявъ чашу (ποτήριον *ABE* — одну изъ стоявшихъ на столѣ предъ каждымъ участникомъ вечера,—другіе—τὸ ποτήριον *ACD*—слѣдовавшую по чину чашу, чашу благословенія или третью, что вѣроятно: эта чаша и по внѣшности могла отличаться отъ другихъ) и возблагодаривъ (εὐχαριστήσας ср. выше) далъ имъ говоря: пейте изъ нея *ὅλην* (для объясненія этого выразительнаго прибавленія „всѣ—*πάντες*“ можно принять во вниманіе, что по раввинскимъ предписаніямъ каждый долженъ былъ пить чашу всю безъ остатка,—притомъ вѣроятно у каждого была своя чаша,—такимъ образомъ Господь повелѣлъ всѣмъ безъ исключенія двѣнадцати апостоламъ, слѣдовательно и Іудѣ, выпить изъ этой, поданной Господомъ, одной чаши,—поэтому о хлѣбѣ это „всѣ“ было излишне: ср. Лк. *διαμερίσате εἰς ἑαυτοὺς*—раздѣлите между собою), *ὅτι* (причина, почему они должны изъ этой одной чаши пить непременно *ὅλην*,—впрочемъ въ Сз 9 в и нѣк. мин. напр. 1—10 в. др. также Сир син пеш эѳ. Ир. лат а и с опускаютъ) *это есть кровь Моя* (кровь какъ средоточіе психо-физиологической жизни, ибо по библ. воззрѣнію

душа или жизнь заключаются въ крови, поэтому выраженіе равнозначительно съ предидущимъ: „это есть тѣло Мое“,— это Я Самъ, Моя жизнь, какъ подвигъ любви и саможертвы за всѣхъ людей или даже за весь міръ) *завѣта* (съ *τὸ τῆς* или безъ *το* 8В др нѣк. 33 др. *кровь завѣта, кровь завѣтная* Исх. 24, 8, др: это есть кровь Моя — кровь *Новаго Завѣта* АСД др. Мин мн Лат Вг Копт Сир всѣ Ир Ор Кипр ср. Іер 31, 31 сл. Дн. 3, 25; 7, 8; 1 Кор. 11, 25; 2 Кор 3, 6. 14 Гал. 4, 24 Евр. 8, 6—8; 9, 15, 20; 10, 29; 12, 24; 13, 20) *кровь за* или *о* (*περί* D и нѣк *ἐπερ*) *многихъ* (назначаемая для спасенія всѣхъ людей и всего міра, въ особенности же вѣрующихъ ср. 1 Тим 4, 10 Ін 1, 7 др.) *изливаемая въ оставленіе* (для оставленія) *грѣховъ* (т. е. это Я Самъ, устанавливающий Новый Завѣтъ подвигомъ своего вочеловѣченія, жизни въ образѣ человека—раба и даже крестной смерти: ср. Филипп. 2, 5 сл.). *Говорю же* (или: и, но говорю) *вамъ*: (что—разночт) *не* (или точнѣе: отнюдь не) *буду пить отсѣлъ* (отъ теперешняго часа) *отъ сего плода винограда* (вино этой чаши или вообще вино пасхальной вечери Ветхаго Завѣта, замѣняемаго Новымъ Завѣтомъ крови и тѣла Христовыхъ или Самимъ Господомъ Христомъ, почему Самъ Онъ не вкушалъ на тайной вечери и конечно никогда послѣ — евхаристійныхъ хлѣба и вина) *до дня того, когда его* (вино) *буду пить съ вами* (какъ) *новое* (или: новымъ, въ качествѣ новаго, когда будутъ новое небо и новая земля и новый человекъ съ тѣломъ духовнымъ, а не душевнымъ: 2 Пет. 3, 13 Апок 21, 1—5 ср. 1 Кор 15, 44 сл,—но по Лк 22, 18, хотя и не во всѣхъ текстахъ, слова эти Господь говорить за второю, предшествовавшую вкушенію хлѣба, чашею,—притомъ варіантомъ: „не буду ѣсть ее—пасху, доколѣ исполнится въ царствѣ Божіемъ, т. е. „когда и Самъ Сынъ подчинится Подчинившему Ему все, да будетъ Богъ все во всемъ“ 1 Кор. 15, 28,—не измѣняется существенно смыслъ изреченія у Мѣ) *въ царствѣ Отца Моего*.

У ев. Марка 14, 22 — 25, какъ обычно, воспроизводится одинаковый съ Матѣевымъ типъ евангельскаго повѣствованія, частію съ буквальный тождествомъ, частію съ стилистическими только измѣненіями и весьма рѣдко съ пояснительными и дополнительными. „И когда (возлежали и ср. ст. 18) *или они* (пасхальный ужинъ), *взявъ* (др. приб. *Писецъ*)

хлѣбъ (одинъ изъ опрѣсноковъ, но нѣк. *τοῦ...*), *благословивъ* (нѣк. *благословиъ*, т. е. сказалъ формулу благословенія), *преломилъ и далъ* (нѣк: *сталъ давать*) *имъ* и сказалъ: *возмите* (нѣк. *приб. съѣшьте*), *это есть тѣло Мое*. И *взявъ чашу* (съ то одни, безъ то др. ср. къ Мѹ), *благодаривъ, далъ имъ,—и пили изъ нея всѣ* (такимъ образомъ пейте Мѹ истолковано въ смыслѣ, что всѣ ученики пили, слѣд. и Иуда, изъ одной, поданной Господомъ, чаши). И *сказалъ имъ* (В оп.): *это есть кровь Моя завета* (др. *Новаго Завета* какъ Мѹ.), *изливаемая за* (др. о) *многихъ*. *Вѣрно говорю вамъ, что* (др. *приб: уже*) *не буду пить* (Д и нѣк: не буду продолжать пить) *отъ плода винограднаго до дня того, когда его буду пить новое въ Царствѣ Божіемъ*.

Тексты ев. Луки неустойчивы. Авторитетное чтеніе излагаетъ такъ 22, 19—20. „И *взявъ* (*λαβὼν*—при *δεξιμένῳ* ст 17 яснѣе отличаетъ *принятіе* отъ *взятія*; ср. также Лк 2, 28 и 16, 6. 7 Дн 22, 5; 28, 21 съ 6, 4; 9, 16) *хлѣбъ, благодаривъ* (а не *благословивъ*), *преломилъ и далъ имъ* говоря; (Алекс. код. *приб: примите*) *это есть тѣло Мое, за васъ даваемое,—это дѣлайте въ Мое воспоминаніе*. И *чашу также* (др. и *также чашу*) *послѣ вечера* (или *ужина*—*μετὰ τὸ δεῖπνῆσαι*, т. е. послѣ вкупшенія опрѣсноковъ и пасхи, чашу благословенія—третью, послѣ которой уже прекращалось и запрещалось вкупшеніе пищи, а можно было только пить вино) *говоря: это чаша—новый заветъ* (нѣк. *новаго завета*) *въ крови Моей* (чаша) *за васъ* *изливаемая* (т. е. чаша съ виномъ, какъ символъ крови Господа, изливаемой за вѣрующихъ во Христа, за всѣхъ людей и весь міръ,—или спасительнаго подвига Богочеловѣка въ боговоплощеніи, человѣческой жизни, крестныхъ страданійхъ и смерти ¹⁾).

¹⁾ Въ Славяно-русскомъ: „*яже—которая*“ неясно къ чему относится: къ „*чаша*“ или „*кровию*“, какъ и въ Вулг. и Лат. *qui* можетъ относиться и къ *calix* и къ *sanguine*. Только у св. Ал. точно и ясно: „*си чаша, новый заветъ о крови моей, за вы проливаемая*“. Слова ст. 19—20 отъ *τοῦ ἐκείνου* до *ἐκχυόμενον* опущены въ D греколат. 5 в Лат. a 4 в и др. нѣк. такъ: *et accepto calice gratias egit et dixit (a dicens): accipite (a sumite) hoc et dividete inter vos (a partamini in vobis), dico enim и пр. какъ 18 ст. и 19 ст. et accepto pane gratias egit et fregit (a confregit) et dedit illis dicens: hoc est corpus meum. ст. 21. verum tamen. Лат. b и e 5 в: 19 et accepto pane (e et accepit panem et) gratias egit et fregit et dedit illis (e eis) dicens: hoc est corpus meum. 17. et accepto calice (e et*

Наконецъ Ап. Павелъ согласно Лукѣ 1 Кор. 11, 23—25: „Я принялъ отъ Господа (ἀπό, по DE парѣ, можетъ быть надо περὶ—о Господѣ), что и предалъ вамъ, что Господь Иисусъ въ ночь, когда былъ преданъ, взявъ хлѣбъ и, благодаривъ, преломилъ и сказалъ: (нѣк. приб: возмите, ядите) это—Мое есть тѣло за васъ (др приб: преломляемое, ломимое), это дѣлайте въ мое воспоминаніе. Также чашу послѣ вечери, говоря: сія чаша—новый завѣтъ есть въ Моей крови, это дѣлайте, когда бы ни пили, въ Мое воспоминаніе“ (А опуск. послѣднія слова съ „когда бы...“). Выразительное μετὰ τὸ δεῖπνῃσαι—послѣ ужина, въ виду τὸ ποτήριον τῆς εὐλογίας 1 Кор. 10, 16—чаша благословенія, можетъ указать именно на третью чашу пасхальной вечери, чашу благословенія—кос бераха, послѣ которой уже не вкушалась никакая пища. Но если и не придавать такого значенія выраженію чаша благословенія и видѣть въ немъ только обозначеніе христіанской евхаристійной чаши, а не іудейской кос—бераха (FG: нѣк мин Пеш чит. εὐχαριστίας), то и тогда выразительное „послѣ ужина“ отсылаетъ къ чашѣ послѣ вкушенія пасхи, т. е. къ третьей или четвертой.

Какое же дѣйствіе имѣла на Іуду пасхальная евхаристійная вечеря?

Искаріотъ пережилъ два душевныхъ состоянія и два настроенія по отношенію ко Христу. Они высказались въ двухъ изреченіяхъ Іуды: „я вамъ предамъ Его“ и „погрѣшилъ я, предавъ кровь невинную“ (или „правую“).

Въ процессѣ раскаянія Іуды и сознанія имъ своего грѣха преданія крови невинной или правой, евхаристія должна была со всею ясностью поставить предъ взоромъ Іуды правоту Христа въ отношеніи стараго завѣта. Синедріонскій судъ надъ Христомъ—образецъ полного попраанія всѣхъ божескихъ и человѣческихъ правъ въ пользу личныхъ интересовъ судей,—

accepit calicem et) gratias egit et dixit: accipite (b приб. hoc et) dividite inter vos. 18. dico enim и пр. Сир. кур и син: 19 и взявъ хлѣбъ и благодарилъ и преломилъ и далъ имъ и сказалъ: это есть тѣло Мое, (что) за васъ (Син приб: Я даю), это дѣлайте въ Мое воспоминаніе (Син приб: 20 а: и послѣ того какъ поужинали) 17. взявъ чашу и благодарилъ (надъ нею) и сказалъ: возмите это, раздѣлите между собою (Син приб 20 б: это кровь Моя, новый завѣтъ) 18. говорю вамъ, что отнынѣ не пью (буду пить) отъ плода сего (Кур приб: винограднаго), пока придетъ царство Божіе“. Пеш. совсѣмъ опускаетъ 17—18 ст. А Сир іерус. читаетъ согласно автор. греческому, только опускаетъ слово ἰχθυόειτον въ 20 ст.

архіерейское пресмыкательство предъ Кесаремъ и его замѣстителемъ и нигилистическое отреченіе отъ Мессіи,—наконецъ нахальное равнодушіе и безчеловѣчный эгоизмъ архіереевъ въ отношеніи къ несчастному предателю—слѣпой жертвѣ увлеченія фальшивой маской святости и убѣжденія заправиль іудейскою религіею и націей:—все это, какъ увидимъ, должно было снять съ глазъ ослѣпленнаго и мрачнаго фанатика-изувѣра ту пелену, что закрывала отъ него истину и дѣйствительность. Да, Іуда долженъ былъ понять, Кого, кому и во имя чего предалъ Онъ въ лицѣ Своего Учителя и друга. И если предатель не увѣровалъ въ Новый Завѣтъ, то преданіе Невинной Крови должно было запечатлѣть ему полное уничтоженіе Старога Завѣта. Теперь Іуда долженъ былъ понять всю правду словъ Христа, что Онъ уже не будетъ ѣсть пасху и пить отъ плода винограднаго за пасхальною вечерею. Пасхи и Старога Завѣта болѣе нѣтъ.

Кромѣ того, всѣ дѣйствія Господа за пасхальною вечерею ясно показывали въ Немъ знаніе того, что Онъ дѣлаетъ: добровольно и съ сознаніемъ необходимости дѣла Онъ шелъ на пролитіе Своей Крови и тѣлесную смерть, какъ Агнецъ Непорочный и жертва любви невинная, но необходимая.

Наконецъ не могло остаться безъ всякаго дѣйствія на Іуду и его, хотя и недостойное, общеніе съ Христомъ въ тайнѣ евхаристіи. Жизнь и общеніе съ Тѣмъ, Кто грѣха не сотворилъ,—съ Богочеловѣкомъ Христомъ, въ теченіи Его спасительнаго служенія, и увѣнчаніе этого общенія пріискреннѣйшимъ причастіемъ Его тѣлу и крови, Его богочеловѣческой личности,—привели Предателя не только къ раскаянію, къ признанію „невинной или правой крови“ во Христѣ, но и къ такому самосуду и къ такой самоказни, строже коихъ не знаетъ человѣческій судъ. Это таинственное общеніе съ Первоисточникомъ правды и добра содѣлало то, что Іуда, по выраженію Амвросія Медиоланскаго, „хотя и безплодно, но покался и имѣлъ нѣкоторый стыдъ (совѣсть) признать свою виновность въ злодѣйствѣ, оказавшись лучше безстыдныхъ іудеевъ (архіереевъ), кои хотя и обличались исповѣданіемъ предателя, однакоже не считали себя виновными въ злодѣйствѣ“ ¹⁾. Предатель убѣдился въ томъ, что

¹⁾ *Expositio in Lucam*, lib. X c. 94,—juxta ed. Bened. Par. 1836, t. 3 p. 121. d.

онъ *согрѣшилъ*, предавъ *Кровь Невинную*, *раскаялся* и *заплатилъ жизнью за жизнь*. Это—дѣйствіе хотя и недостойнаго и мимолетнаго, но таинственно-живого взаимообщенія Іуды съ Богочеловѣческою Главою тѣла Церкви Христовой, общеніе—не въ жизнь и блаженство, но въ судъ и смерть, по слову Апостола (1 Кор. 11, 29—30).

Но такое дѣйствіе на Іуду евхаристійная тайна Христова возымѣла уже послѣ того, какъ предатель увидалъ всю бездну своего паденія и весь ужасъ своего заблужденія. До того же времени онъ какъ слѣпецъ шелъ торною дорогою общеіудейскаго заблужденія къ неизбѣжной гибели. И всѣ слова и дѣйствія Христа на пасхальной вечерѣ, какъ и умовеніе ногъ, только сильнѣе увлекали Искаріота по наклонной плоскости къ гнусному злодѣйству преданія.

Пасхальная вечера служила воспоминаніемъ Завѣта Іеговы, заключеннаго съ народомъ избраннымъ, въ ночь освобожденія его изъ рабства египетскаго и дарованія ему національно-политической самобытности. Поэтому пасху долженъ былъ праздновать каждый правомочный политически еврей, кромѣ глухонѣмыхъ, безумныхъ, больныхъ, дѣтей и престарѣлыхъ, кто не могъ путешествовать въ Іерусалимъ ¹⁾. Обязательное для всѣхъ возлежаніе за вечерею, даже для живущихъ подавляніями, служило символомъ свободы каждаго безъ исключенія потомка Авраамова ²⁾. Точно также празднованіе пасхи веѣмъ Израилемъ въ одномъ только мѣстѣ, въ Іерусалимѣ, гдѣ былъ единственный для всей націи храмъ, являлось знакомъ народнаго единенія политическаго и религіознаго ³⁾, откуда—товарищества (*фратріа*) при совершеніи вечера и даровое помѣщеніе для каждаго еврея въ домахъ іерусалимлянъ ⁴⁾. За несовершенство пасхи объявляется истребленіе изъ среды сыновъ Израиля,—нарушающій постановленія о пасхѣ приравнивается къ язычнику ⁵⁾. Пасха—праздникъ радости

¹⁾ Второз. 16. 2.

²⁾ См. выше.

³⁾ Тосефта къ Песах. 8. 11 у Переф. 247.

⁴⁾ См. выше.

⁵⁾ Тосеф. Песах. 8, 11 къ Мишнѣ 9, 5—7 Переф. 246 ср. Исх. 12. 18 ср. Babyl. Pesach. Gold 736 Ср. Авотъ III. 11 (12) Переф. IV, 488—489: „кто оскверняетъ святыни (жертвенное мясо), кто *пренебрегаетъ праздниками*, кто разрушаетъ знакъ отца нашего Авраама (крайней плоти), кто позво-

и веселія, поэтому каждый глава семейства обязанъ не только веселиться самъ, но и употреблять всѣ средства къ увеселенію своей семьи (виномъ, сластями, подарками и под. ¹⁾).

Это была первая пасха, совершенная Христомъ въ общеніи (*φρατρία*) съ своими двѣнадцатью учениками²⁾. Понятно, съ какимъ чувствомъ должны были ожидать ее ученики, особенно Іуда, какъ горячій ревнитель народности и всѣхъ ея завѣтовъ. Экономъ фратріи, онъ навѣрно не совсѣмъ безучастенъ былъ въ приготовленіи возможной торжественности праздника. Правда, ев. Лука говоритъ только о двухъ ученикахъ, Петрѣ и Іоаннѣ, коимъ Господь даетъ повелѣніе приготовить вечерю въ домѣ неизвѣстнаго хозяина, въ сво-

ляетъ себѣ оскорблять тору,—хотя бы за нимъ числились и тора и добрыя дѣла, лишень удѣла въ будущемъ вѣкѣ“, т. е. оказывается какъ язычникъ.

¹⁾ Тосефта Песах. 10, 4 Переф. 255,—Іерус. Гем. X, 1 у Schwab'a, 5, 149 и Вавил. 109. а у Goldschm.

²⁾ По синоптикамъ Христосъ совершалъ только одну пасху, такъ какъ за все время Его общественнаго служенія упоминается у нихъ только эта пасха страданій и смерти Господа. Въ евангеліи Іоанна упомянуты три пасхи. Но первая пасха, что провелъ Христосъ въ Іерусалимѣ (Ін. 2, 13, 23), падаетъ на время, когда еще не были избраны Двѣнадцать (ср. 6, 70), т. е. до насыщенія народа въ пустынѣ. Вторую пасху когда, были уже избраны Двѣнадцать, Господь, надо думать, провелъ въ Галилѣѣ, слѣд. уклонился отъ совершенія ея въ Іерусалимѣ (Ін. 6, 4 ср. 7, 2). Въмѣсто іерусалимской пасхи Господь совершилъ *галилейское насыщеніе народа* и произнесъ бесѣду о Себѣ, какъ истинной пасхѣ и истинномъ хлѣбѣ истинной жизни. Наконецъ послѣднюю пасху Господь замѣняетъ установленіемъ евхаристійнаго таинства Новаго Завѣта, тайною тѣла и крови Своего богочеловѣчества. Изъ евангельскихъ повѣствованій не видно, чтобы Самъ Господь вкушалъ горькія травы, соусъ, опрѣсноки, хагигу и пасху и чтобы Самъ Онъ пилъ вино. Какъ Самъ—истинная пасха и истинный Агнецъ, взявлющій грѣхъ міра, Онъ, думаемъ, не имѣлъ надобности пить вино и ѣсть травы, хлѣбъ и мясо жертвъ на тайной вечерѣ. По крайней мѣрѣ евангелисты *выразительно* умалчиваютъ о томъ, чтобы Самъ Господь ѣлъ и пилъ на вечерѣ, хотя и говорятъ, что Онъ *бралъ чашу и хлѣбъ, но предавалъ* ихъ ученикамъ. Выраженіе у Ілк „очень желалъ Я эту пасху *псть съ вами*“ можетъ означать: „совершить эту пасхальную вечерю, на которой вкушается пасха“. Важно слѣдующее потомъ: *οὐ μὴ φάγω αὐτὸ ἕως*, которое можно простираť и на „эту пасху“, особенно въ параллели съ *οὐ μὴ πίνω ἄλ' ἄρτι ἕως*. Но у Мѣ и Мк нѣтъ *ο φαγεῖν τοῦτο τὸ πάσχα*, а только *οὐ μὴ πίνω ἄλ' ἄρτι* у Мѣ, и усиленіе у Мк *οὐκ ἐτι οὐ μὴ πίνω*,—что можно понимать: теперь же, вотъ съ этой вечера, включая сюда и ее.

бодной и убранной комнатѣ. Но покупка жертвъ и всего, что надо было для праздника, едвали могла обойтись безъ прямого или косвеннаго участія Іуды (ср. Ін. 13, 29).

Какъ бы то ни было, но отъ этой первой и единственной пасхи Іисуса съ учениками Іуда могъ ждать окончательнаго побужденія къ совершенію или несовершенію задуманнаго имъ предательства.

Что же встрѣтилъ онъ? Уже начало или предпразнество пасхи могло возмущать національно-религіозный фанатизмъ Іуды. Вечеря открывается не возлежаньемъ свободныхъ чадъ Авраама, мечтающихъ быть господами всѣхъ народовъ, а рабскимъ служеніемъ Учителя и Господа, Мессіи - Царя и Владыки вселенной Своимъ ученикамъ и слугамъ. Господь даже прямо изгоняетъ изъ Своего царства это вождельнное для іудея владычество и княжество: первый и высшій здѣсь, кто болѣе послужить всѣмъ,—владыкою здѣсь является слуга всѣмъ. Затѣмъ вмѣсто радости и торжественности—опять грустные намеки Христа на разлуку съ учениками,—рѣчь о томъ, что Онъ уже не будетъ съ ними пить отъ плода винограднаго до наступленія царства Божія на землѣ. Ожидавшееся всѣми, и Іудею конечно особенно, немедленное открытіе мессіанскаго царства и избавленія Израиля (Лк 24, 21 ср. Дн. 1, 6; Ін 7, 3—4) отодвигается въ туманную даль неизвѣстнаго будущаго и надежда на немедленное царство Мессіи замѣняется будущимъ царствомъ Божиимъ.

Наконецъ, и главное, евхаристійная тайна уже не оставляла для Іуды ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что его національно-іудеистическимъ вождельніямъ нѣтъ мѣста въ царствѣ Христовомъ. Отрицательно это выражалось въ окончательной и полной отмѣнѣ стараго Моисеева Завѣта, въ уничтоженіи старозавѣтной пасхи, какъ символа завѣта Іеговы съ первымъ избавителемъ—Моисеемъ. Положительно—въ замѣнѣ ветхаго завѣта, завѣта тѣла и крови пасхальнаго агнца, новымъ завѣтомъ тѣла и крови Богочеловѣка-Христа. Такимъ образомъ національно-іудеистическую вѣру въ политическаго избавителя Христосъ замѣнилъ вѣрою въ Себя и Свою богочеловѣческую личность,—въ Свое тѣло и въ Свою кровь. Но это тѣло есть тѣло, *ломимое* или *даваемое* за учениковъ и за всѣхъ людей,—эта кровь есть *кровь изливаемая* за спасеніе міра. Не политическая апопееза Израиля

во главѣ надъ всѣми народами земли съ Мессією-царемъ, а подвигъ страданій, сокрушенія тѣла, пролитія крови и даже крестной смерти Богочеловѣка.

Совершалъ ли Господь обрядъ пасхальной іудейской вечери по установленному чину и евхаристію только присоединилъ къ этому обряду, или же Онъ совсѣмъ не совершалъ пасхи и прямо замѣнилъ ее таинствомъ Новаго Завѣта, во всякомъ случаѣ было ясно, что для учениковъ Иисусовыхъ и въ царствѣ Христовомъ нѣтъ ветхозавѣтной пасхи, націоналистическаго торжества и народной гордыни, а есть новая пасха подвига любви до жертвы жизнью. Мы говорили уже, что слова Господа о яденіи плоти и питіи крови Сына Человѣческаго (Ин. 6, 26—71) должны были казаться для іудаистически настроеннаго Искаріота столь же соблазнительными, какъ и для тѣхъ многихъ учениковъ Иисуса, кои отошли отъ Него и уже не ходили съ Нимъ. Но Іуда не ушелъ тогда же. Его болѣе глубокая природа была сильнѣе затронута богочеловѣческою личностію Христа, чѣмъ тѣхъ многихъ учениковъ. Іуда ждалъ разъясненій и не выполнѣ еще довѣрялъ себѣ и первому впечатлѣнію отъ рѣчи Господа о хлѣбѣ жизни. Теперь для него уже окончательно разъяснился смыслъ загадочной рѣчи. Отмѣна стараго завѣта съ первымъ избавителемъ и политическимъ Израилемъ и замѣна его новымъ завѣтомъ нравственнаго подвига страданій для преображенія по образу Христа Богочеловѣка, завѣтомъ преданія тѣла и пролитія крови,—завѣтомъ любви и служенія ближнимъ, а не владычества надъ ними: вотъ смыслъ всей жизни Христа, его дѣлъ и словъ, всего Его богочеловѣческаго лица.

Иисусъ не есть ожидаемый „второй избавитель“,—Онъ—лжемессія. Эта мысль должна была теперь принять въ сознаніи Іуды окончательное, яркое выраженіе и стать неотразимымъ внутреннимъ импульсомъ для его воли. Лжемессія долженъ быть преданъ тѣмъ, кто повидимому высоко держалъ знамя націонализма іудейскаго и, какъ казалось издали, строго хранилъ завѣтъ этого націонализма и святыню народности израильской. Несчастный еще, не зналъ, какъ призрачно было это знамя и какъ изветшалъ этотъ націонализмъ въ обманномъ фанатизмѣ сторожей его.

3.) Указаніе на предателя: Мѡ 22, 20—25 Мк 14, 17—22 Лк 22, 20—24 Ин 13, 11, 18—19. 21—30.

Слова Господа: „это есть тѣло Мое, за васъ даваемое (до-мимое)“ и „это есть кровь Моя Новаго Завѣта, за васъ изли-ваемая“ послужили внутреннимъ импульсомъ для предатель-ства Іудина, въ качествѣ обще-принципіальной, такъ ска-зать, основы злодѣйства. Внѣшнимъ, болѣе частнымъ и лич-нымъ, толчкомъ были указанія Господа на предателя во время тайной вечери.

„И когда ѣли они (возлежа, пасхальный ужинъ,—вкушали ли яства и пили ли вино Самъ Господь, неясно,—яденіе предполагается между второю и третьею чашами), сказалъ (Ѳ: говорить): *вѣрно говорю вамъ, что одинъ изъ васъ предастъ меня. И скорбя сильно начали говорить Ему по одиночкѣ ка-ждый* (др: каждый изъ нихъ): *не я ли это* (буквально: нечто или развѣ я это), *Господи! Онъ же въ отвѣтъ сказалъ: погру-зившій* (или: обмакнувшій, опустившій, D: *погружающій* *ἐμ-βάλλω*—погружаю глубоко: ср. Pesach. 115 a—b Gold. 726: ла-тукъ надо погружать или обмакивать глубоко въ харосетъ, чтобы смягчить ѣдкость горькихъ травъ) *со Мною руку съ блюди* (съ соусомъ „харосет“) *онъ Меня предастъ. Но* (это пре-давіе есть дѣло божественнаго совѣта, открытаго въ писа-ніи,—D и нѣк: *итакъ*) *Сынъ Человѣческій идетъ* (соотвѣтст-венно тому, въ исполненіе того), *какъ написано о Немъ. Горе же человеку тому, чрезъ кого Сынъ Человѣческій предается,—* (D и нѣк. приб: *посему*) *хорошо* (*халόν*, а не *αγαθόν*, т. е. не съ нравственно-принципіальной, а съ жизненно-практической точки зрѣнія: съ первой—всякое рожденіе есть благо—*αγαθόν*, со второй—не всякое рожденіе оказывается *хорошимъ*—*халόν* въ жизненномъ круговоротѣ) *бы было ему, если бы не родился чело-вѣкъ тотъ* (его жизнь оказалась несчастною, погибельною: это—весьма употребительное въ іудейской литературѣ изреченіе въ формулахъ ¹⁾: хорошо или лучше, чтобы не родился, не приходилъ въ міръ, не приходилъ на свѣтъ этого міра, не былъ созданъ, не былъ въ этомъ мірѣ). *Отвѣчавъ же* (въ

¹⁾ Chag. 11.б, Berakh. 17.а, Erub. 13.б др. см. Wünsche, Neue Beiträge S. 328 и 404, Schoettgen, Horae ad Math. 26. 24. Ср. Мѡ. 18, 16 и парал. или: „лучше умереть, чѣмъ лечиться у кудесника“ Schabb. XIV, 4 ср. Ier. Ber. 1, 2 у Delitzsch'a, Harae ad h. l.

отвѣтъ и) *Иуда, предающій Его* (уговорившійся съ архіереями о мѣстѣ, времени и способѣ преданія Господа), *сказалъ: не я ли* (это, неужели это я, развѣ, нечто это я?), *Учитель?*—*Говоритъ ему: ты сказалъ* (формула¹⁾ употребительнаго у іудеевъ утвердительнаго отвѣта: ср. Мѡ 26, 64).

Въ психологическомъ отношеніи важно отмѣтить употребляемое Іудею здѣсь и послѣ при преданіи (ст. 49) „*равви-учитель*“ вмѣсто „*хѹрие*—Господи“ другихъ апостоловъ. Изъ двухъ обычныхъ почетныхъ названій: „Господь“ и „Учитель“, второе болѣе соотвѣтствовало тогдашнему душевному состоянію предателя, утратившаго вѣру въ Іисуса, какъ въ Мессію. Это соображеніе уполномочиваетъ насъ въ различіи названій Христа другими апостолами и Іудею видѣть указаніе именно на невѣріе Іуды въ Іисуса какъ Мессію.

Въ изложеніи Маттея остается неяснымъ: а) одновременно ли и сразу каждый ученикъ, и среди нихъ и Іуда, обратился къ Господу съ вопросомъ, такъ что въ общей сумятицѣ отвѣтъ Господа Іудѣ: „ты сказалъ“ могъ остаться не замѣченнымъ учениками?—б) словами „погрузившій со Мною руку въ блюдо“ указать ли Господь лично на Іуду, или же выразилъ только то, что Его предатель находится среди вѣчерявшихъ и есть одинъ изъ участниковъ вечера (варіантъ: „погружающій“, сотрапезникъ)?—в) и отвѣтъ Господа: „ты сказалъ“ слышали ли всѣ апостолы или же одинъ только Іуда, и притомъ—до евхаристіи или послѣ въ самомъ концѣ вечера, такъ что Іуда могъ немедленно послѣ этого отвѣта удалиться изъ комнаты?

Отвѣты на эти вопросы находимъ у другихъ евангелистовъ. Такъ ев. Маркъ, въ общемъ излагая текстъ Маттеевъ, однакожъ видоизмѣняетъ его такъ, что устраняется личное указаніе Господа на Іуду. „И когда возлежали они и ѣли. Іисусъ сказалъ: вѣрно говорю вамъ, что одинъ изъ васъ предастъ Меня, *ядущій* (NASD др. всѣ, но В Саг Копт: „*ядущихъ*“) со Мною. Начали скорбѣть и говорить Ему одинъ по одному: не я ли (Алекс. код. приб: „равви“), др. приб: „и другой: не я ли“). Онъ же сказалъ имъ: *одинъ изъ двѣнадцати, погружающій со Мною* (др. приб. „руку“) *въ* (др. приб. „одно“) *блюдо*, потому что (преданіе есть исполненіе боже-

¹⁾ Schoetlg. ad h. l.

ственного совѣта) Сынъ Человѣческій идетъ (D предается), какъ написано о Немъ. Горе же человѣку тому, чрезъ кого Сынъ Человѣческій предается. Хорошо бы ему (др. приб. „было“) если бы не родился человѣкъ тотъ“. „Одинъ изъ двѣнадцати, погружающій (настоящее и обобщающее, вмѣсто аориста однократнаго, частице указывающаго на дѣйствіе единичное и единичнаго лица) со Мною (руку) въ (одно) блюдо“ и опущеніе вопроса Іуды и утвердительнаго отвѣта Господа ясно даютъ видѣть, что евангелистъ разумѣетъ только общее указаніе Господа на предателя, какъ на одного изъ участниковъ вечери.

По Мѹ и Мк это указаніе на предателя изложено ранѣе евхаристіи, притомъ у Мѹ Господь, повидимому, лично указалъ на Іуду. Новъ такомъ случаѣ остается необъяснимымъ у Мѹ отсутствіе выразительнаго указанія на немедленное удаленіе предателя, ибо дальнѣйшее присутствіе его было бы непонятно. У Мк. съ устраненіемъ личнаго указанія на Іуду въ словахъ Господа дальнѣйшее пребываніе Іуды хотя и не представляется страннымъ, но все же вызванное ими смущеніе и переполохъ среди учениковъ кажутся нѣсколько не своевременными.

Болѣе точное хронологическое расположеніе событій вечера даетъ ев. Лука, излагающій это указаніе Господа на предателя послѣ евхаристіиной чаши. „Впрочемъ вотъ (нѣк. оп.) *рука предающаго Меня со Мною* (нѣк. оп.) *за столомъ* (на столѣ), потому что (ср. къ Мѹ и Мк—*ὅτι* sBDgr. др. *καί*—А и мн., а нѣк. оп.) Сынъ Человѣческій *по опредѣленному* (по Божію опредѣленію, объясненіе къ Мѹ и Мк: „по написанному“,—нѣк. приб. „Ему“) идетъ, *однакожь* (не смотря на то, что это было дѣломъ божественнаго опредѣленія и стояло внѣ и выше человѣческой власти) горе человѣку тому, чрезъ кого предается. *И они начали спрашивать у себя самихъ* (между собою) *о томъ, кто бы изъ нихъ это могъ сдѣлать*“. Такимъ образомъ не только устранено личное указаніе на Іуду, но и вопросы смутившихся учениковъ обращены не ко Христу, а другъ къ другу.

Авторитетное и дополнителное поясненіе къ этимъ сообщеніямъ даетъ Іоаннъ. Синоптическое однократное указаніе Господа на предателя, оказывается по Іоанну, было троекратнымъ. Сначала, предъ вечерю, при умовеніи ногъ Петра,

Господь сказалъ: „и вы чисты, но не всѣ“. Это указаніе на предателя было столь прикровенно, что евангелистъ находить нужнымъ сдѣлать пояснительное къ нему примѣчаніе.

Потомъ, уже во время самой вечера („когда они возлежали и ѣли“ ср. „ядущій со Мною“), Господь далъ нѣсколько болѣе ясное указаніе. „Не о всѣхъ васъ говорю Я: (др. приб. ибо) знаю, кого избралъ Я (ср. 6, 70). Но дабы писаніе исполнилось: ядущій со Мною хлѣбъ поднималъ на Меня пяду свою (Пс. 40, 9, очевидно соотвѣтствуетъ синоптическимъ: „одинъ изъ васъ, ядущій со Мною,—обмакивающий со Мною въ блюдо,—рука предающаго Меня со Мною за столомъ“). Теперь же говорю вамъ, прежде событія (прежде, чѣмъ сбылось), дабы вы увѣровали, когда будетъ, что это Я (о Комъ говоритъ Писаніе). Вѣрно-вѣрно говорю вамъ, принимающій, кого (если) Я пошлю, Меня принимаетъ, а Меня принимающій, принимаетъ Пославшаго Меня“. Это—второе указаніе, во время пасхальнаго ужина, между второю и третьею чашами. И это указаніе, какъ и первое, гораздо менѣе опредѣленно и ясно, чѣмъ содержащееся у Луки и Марка, не говоря уже о Матееѣ.

Наконецъ третье указаніе, уже послѣ вечера (у Луки), сходствуетъ въ общемъ съ синоптическими изложеніями. Кромѣ того, въ частности, Іоаннъ сообщаетъ объ одномъ эпизодѣ, раскрывающемъ, какъ надо понимать рассказъ ев. Матеея о томъ, что Господь и лично указалъ на Іуду, какъ на Своего предателя. „Сіе сказавъ, Іисусъ возмущился духомъ и засвидѣтельствовалъ и сказалъ: вѣрно-вѣрно говорю вамъ, что одинъ изъ васъ предастъ Меня. И (вотъ—др. оп.) озирались другъ на друга ученики, недоумѣвая, о комъ говорить“. Это соотвѣтствуетъ изложеніямъ Марка и Луки. Но далѣе дается пояснительное дополненіе и къ Матееву личному указанію Господа на Іуду, какъ на Своего предателя. Это было такъ: „былъ возлежавшимъ одинъ изъ учениковъ Его у груди Іисусовой, коего любилъ Іисусъ. (ср. Второз. 13, 6. 8. 9). И (вотъ) киваетъ ему Симонъ Петръ и говоритъ ему: спроси, кто это, о комъ говорить. Тогда припадши онъ (др. приб. *οἴτωσ*, др. *οἴτωσ*) на грудь Іисуса, говоритъ Ему: Господи, кто это?—Отвѣчаетъ Іисусъ (др. приб. и говоритъ): тотъ это, кому Я обмакну (др. обмакнувъ) кусокъ и дамъ (др. подамъ) ему. И, обмакнувъ кусокъ, беретъ (др. оп.) и даетъ

Іудѣ Симонову Искаріоту. И послѣ куска, вошелъ (др. приб: тогда) въ него сатана. И говоритъ ему Іисусъ: что дѣлаешь, дѣлай скорѣе. Но этого никто не понялъ изъ возлежавшихъ, къ чему сказалъ ему, ибо нѣкоторые думали, такъ какъ ящикъ (съ деньгами) имѣлъ Іуда, что говоритъ ему Іисусъ: купи, въ чемъ надобность имѣемъ для праздника, или ничимъ чтобы что далъ. И взявъ кусокъ, онъ вышелъ тотчасъ. А была ночь“.

Такимъ образомъ въ теченіи вечера Господь не разъ говорилъ объ измѣнѣ среди довѣренныхъ учениковъ своихъ. Но эти рѣчи частію были неясны, а частію ограничивались общимъ указаніемъ на измѣну. Ясно Господь открылъ въ Искаріотѣ Своего предателя только возлежавшему на груди Его любимцу Своему Іоанну Богослову, тихо спросившему Господа о предателѣ, по молчаливому знаку Ап. Петра. Тотъ часъ же послѣ открытія Іуда ушелъ, а сообщилъ ли Іоаннъ Петру объ этомъ теперь же, за этою вечерю,—этого невидно. Дальнѣйшая, захватившая все вниманіе учениковъ, трогательно-возвышенная и вдохновенная прощальная бесѣда Господа не оставляла уже мѣста для этихъ частныхъ переговоровъ. Насколько чуждо было всѣмъ ученикамъ подозрѣніе именно Іуды въ измѣнѣ, видно уже изъ молчаливаго знака Петра Іоанну, чтобы узнать объ этомъ у Самаго Господа. Также въ словахъ Господа Іудѣ: „что дѣлаешь, дѣлай скорѣе“ никто не услыхалъ намека на измѣну и всѣ, кромѣ конечно Іоанна, подумали, что рѣчь идетъ о хозяйственныхъ нуждахъ. Очевидно Іуда велъ себя среди общества учениковъ Христовыхъ такъ, что не возбуждалъ никакихъ подозрѣній. Только одинъ Іоаннъ Богословъ уже давно прозрѣвалъ въ Іудѣ измѣнника. И это потому, что мессіанскія чаянія Іуды, его характеръ, настроеніе, склонности, вся вообще нравственная личность предателя представлялись Богослову отрицаніемъ богочеловѣческаго идеала въ лицѣ Христа: Іуда всегда былъ для Іоанна представителемъ невѣрія, тьмы и діавола, а не вѣрующимъ сыномъ свѣта и чадомъ Божиимъ (ср. Ін. 2, 23—25; 6, 64. 70—71), какъ самъ Богословъ и прочіе десять учениковъ.

Но для самого Искаріота эти частныя намеки Господа на измѣну во все продолженіе вечера должны были служить страшною пыткой, такъ какъ ежеминутно Іуда могъ опа-

саться обнаженія предъ всѣми учениками. Это—то мучительное состояніе, какое испытываетъ преступникъ предъ уликою въ злодѣйствѣ, такъ глубоко и всесторонне изображаемое Достоевскимъ въ лицѣ Раскольникова. Все время Іуда долженъ былъ сидѣть, какъ говорится, на иглахъ.

Для предателя не могло оставаться сомнѣнія въ томъ, что Господь знаетъ о его злодѣйствѣ и ежеминутно можетъ по Своему желанію открыть его измѣну. И однакожъ Господь не сдѣлалъ этого. Въ послѣдовавшемъ чрезъ нѣскольсо часовъ процессѣ раскаянія предателя это должно было усилить сознаніе Іуды, что преданную имъ невинную кровь Свою Господь проливалъ добровольно, по сознанію необходимости этой жертвы для спасенія людей,—и что Господь исполнялъ здѣсь Свою заповѣдь о непротивленіи злу и по побѣжденіи зла добромъ. Это было для раскаявшагося предателя новою каплею той Невинной или Правой Крови, что предалъ онъ въ лицѣ своего Учителя.

Но теперь, за вечерю, эти намеки Господа на измѣну навѣрно возбуждали въ Іудѣ одно желаніе—поскорѣе уйти отъ пытки и съ нетерпѣніемъ ждать конца вечера. Поэтому, какъ только Іуда получилъ кусокъ, обмокнутый въ соусъ, съ повелѣніемъ Господа, „что дѣлаешь, дѣлай скорѣе“,—Іуда „вышелъ *тотчасъ*“. Не тѣмъ объясняется эта поспѣшность удаленія Іуды, что онъ былъ открытъ Іоанну, какъ измѣнникъ. Іуда не могъ этого знать, такъ какъ Господь говорилъ съ Іоанномъ тихо. Но Іуда спѣшилъ изъ свѣта во тьму, ему тяжело было пребываніе въ свѣтѣ, онъ торопился привести къ исполненію свой злодѣйскій уговоръ съ архіереями.

Сатана, вошедшій въ Іуду послѣ поданнаго Господомъ куска, влекъ предателя къ слугамъ сатаны и дѣтямъ отца своего діавола—архіереямъ и начальникамъ (Ін. 44), для осуществленія гнуснаго замысла. Выраженіе это означаетъ, что вліяніе діавола на Іуду изъ области мысли (ср. 13, 2) перешло теперь въ область воли и дѣла. Іуда теперь не только мыслить и желаетъ діавольскаго, но и дѣйствуетъ какъ діаволъ [6, 70]. Сатана овладѣлъ теперь Іудою всецѣло и сдѣлалъ его полнымъ рабомъ своимъ.

„А была ночь“ ¹⁾. Злодѣи, невѣры и сыны тьмы не лю-

¹⁾ Пасхальная вечеря продолжалась только до полуночи. „Кусокъ“

бять свѣта (Ін. 3, 19—21) и ходить во тьмѣ, не зная куда идутъ (12, 35—36). Только сыны свѣта и вѣрующіе послѣдователи Христа владѣютъ свѣтомъ жизни (8, 12; 12, 46). Между тѣмъ какъ Іуда, объятый духомъ тьмы, подъ прикрытіемъ ночи, шелъ къ дѣтямъ діавола совершать гнусное злодѣйство,—въ освѣщенной комнатѣ, по удаленіи сына тьмы, Самъ пришедшій въ міръ Свѣтъ открывалъ сынамъ свѣта всеильныя тайны любви и жизни для побѣды добра надъ зломъ.

М. Муретовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

обычно хлѣба, но возможно и мяса. Если это былъ заключительный кусокъ, размѣромъ въ оливу, пасхи или опрѣснока, то надо будетъ признать, что Іуда ушелъ, не дождавшись не только четвертой, но и третьей чаши (благословенія). А въ такомъ случаѣ онъ участвовалъ во вкушеніи только евхаристійнаго хлѣба, но не вина, что догматически безразлично, ибо какъ въ крови (винѣ) вся жизнь физиологическая, такъ и тѣло (хлѣбъ) заключаетъ въ себѣ и кровь. Возможно, что подъ этимъ кускомъ Іоаннъ Богословъ разумѣетъ евхаристическій хлѣбъ (какъ думаетъ Кириллъ Ал.). Выраженіе „послѣ куска вошелъ въ него сатана“ предполагаетъ, что Іуда съѣлъ данный ему Господомъ кусокъ хлѣба или пасхальнаго мяса. Хлѣбу болѣе сооѣтствуетъ „обмакнувъ“, такъ какъ горькія травы, обмакнутыя въ хоросетъ, ѣлись вмѣстѣ съ кусками опрѣсноковъ. Но, конечно, возможно и соединеніе травъ, обмакнутыхъ въ соусъ, съ кускомъ мяса.